1917–2017

Год столетия революционных событий начала XX в., которые стали не только концом Российской империи, но в итоге привели к коренной смене общественного строя, не может не оживить размышлений о сути того, что произошло с нашей страной в те, уже далекие времена. Вновь и вновь ученые задаются вопросами о том, был ли неизбежен Февраль 1917 г., закономерным ли следствием всей цепи последующих событий стал Октябрь 1917 г., какие уроки сегодня мы можем извлечь из тех давних событий? Насколько революционное насилие исказило весь ход отечественной истории, и было ли оно неизбежно? Как в весь ход российской истории XX столетия вписываются события 1991 г.? И что нужно сделать, чтобы избежать нового революционного взрыва. Все эти и многие другие вопросы мы предлагаем обсудить *sine ira et studio* на страницах журнала историкам, политологам, философам, представителям других дисциплин. Открывает обсуждение видный специалист по философии российской истории, многие десятилетия занимавшийся проблемами отечественного развития, "шестидесятник" И. Пантин. Надеемся, что его статья станет стимулом для многогранной научной полемики.

И.К. ПАНТИН

Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке Октябрьской революции)

В статье ставится вопрос о роли насилия в революции вообще и Октябрьской революции в частности. Автор доказывает, что рационалистическая традиция, в рамках которой разум несовместим с насилием, неверна при оценке революции. Проблема насилия может быть правильно понята только в том случае, если она переведена в политическую плоскость и осмыслена как историческое явление. Тогда революционное насилие предстает одним из способов прерывания старой исторической логики и детерминации будущего прошлым. Как функция определенной общественной ситуации размах насилия зависит от многих факторов: остроты противоречий, поляризации политических сил, степени вовлеченности в революцию масс, менталитета народа и т.п. Объем насилия в Октябрьской революции определялся и тем, что партия-государство избрала путь экономического и социального прогресса через тотальную ломку жизненного уклада миллионов. Именно на почве насилия власти над собственным народом и сложился тоталитарный строй.

Ключевые слова: капитализм, социализм, цивилизация, революция, государство, большевизм, пролетариат, крестьянство, террор, политический режим, случайность, необходимость, уклад, культура, догоняющее развитие, тоталитаризм, исторический выбор.

В нашу динамичную эпоху многие привычные понятия меняют свой смысл. Так, революцией когда-то называли событие, которое прерывает прежнюю логику общественного развития и задает новый культурно-исторический тренд, расчищает путь в Современность. Революции связывались с кардинальной сменой политического порядка, а в случае социальной революции – и политэкономического. Сегодня, после опыта “цветных революций” и разгула терроризма, представление о революциях претерпевает серьезные изменения. Под революцией стали понимать не уничтожение институциональных форм неравенства и угнетения, не формирование революционного субъекта, а мирное (иногда и немирное) завоевание условий для влияния на государство определенных “групп интересов”, ориентирующихся, как правило, на практику стран “демократического капитализма”. Соответственно, революция в старом смысле этого слова, как политическая практика, которая не могла быть выведена из “естественной причинности”, из “старого порядка”, поскольку была непредсказуема и определялась “стечением обстоятельств”, объявляется *случайной, излишней*, а потому нежелательной для современного общества.

Особенно такое отношение заметно в России, где появилось целое направление ниспровергателей и обличителей Октябрьской революции. Для них она – проявление “бесовщины”, “выплеск первобытных варварских сил”, “позорное пятно в российской истории” и т.п. Разумеется, в стране, прошедшей школу трех революций, нелепо прославлять революцию и энергию масс, силой сломавшую старый порядок. Тем более восхвалять сталинский режим, где насилие государства по отношению к народу было возведено в норму. Но критикуя эту практику, нельзя не видеть, что в революции наш народ впервые в своей истории обрел *субъектность* – качество, без которого России было бы невозможно справиться с драматическими вызовами современности. И пусть самостоятельная воля народных масс оборачивалась насилием, подавить которое было под силу только якобинской организации, необходимой для успеха этой самостоятельности, именно субъектность масс, созданная революцией, позволила нашей стране сделать гигантский исторический рывок и позже выстоять в борьбе с фашизмом.

Сегодня мы знаем, что революция не смогла выполнить свои обещания, в том числе и в области гарантии гражданских и политических прав. В этом отношении коммунистический режим во главе с И. Сталиным использовал отношение “ведущих” и “ведомых”, присущее любой организации, для исключения из политики большинства населения и создания тоталитарного режима. Вспомним сталинский террор против собственного народа, практику ГУЛАГа, репрессии целых народов и многое другое. Но существует вопрос, который редко задают себе россияне: чем была бы Россия *без* Октябрьской революции и какие новые возможности для социального развития получил наш народ в результате революции? Впрочем, я не прав: по мнению некоторых наших либералов, не случись “большевистского переворота” – так они квалифицируют Октябрьскую революцию – наша страна несказанно расцвела бы, население приблизилось бы к пятистам миллионам, а Россия была бы ведущей страной в современном мире.

Столетняя годовщина со дня начала Октябрьской революции дала новый импульс спорам о ее смысле и значении для развития России. Невозможно охватить все их многообразие в рамках одной статьи. Теоретические сюжеты, касающиеся Октября, я попытался осветить в книге [Лантин 2015]. Задачу же данной статьи я вижу в “прорисовке” общего подхода к оценке Октября, и в этой связи я попытаюсь сформулировать несколько положений методологического порядка, без учета которых, как представляется, нельзя адекватно понять Октябрьскую революцию.

К проблеме критики революции

Современная либеральная, демократическая, монархическая публицистика в России и за рубежом постаралась убедить широкую публику, что якобы не так уж сложно распутать клубок исторических явлений, связанных с Октябрьской революцией, на примере простых и очевидных понятий (“бланкистский переворот”, “солдатская революция”, “политическая авантюра”, “переворот в немецких интересах”, “еврейский заговор” и т.п.). С приведенными оценками полемизировать вряд ли имеет смысл: они родом из мещанской антикоммунистической риторики, не имеющей ничего общего с исторической наукой. Но проблема, которую они не более чем *задевают*, — определение специфического характера Октябрьской революции — заслуживает внимания.

Крупные исторические события, особенно такие, как революции, всегда сопровождаются идеологическими иллюзиями, затрудняющими понимание современниками объективного содержания этих событий. Их характер становится ясным не сразу, необходим некий пробег времени (историческая дистанция), чтобы адекватно оценить смысл того или иного явления — будь то революция английская, французская или русская.

Как известно, обсуждение характера Октябрьской революции долгое время находилось у нас в стране под запретом. Общая оценка Октября как *социалистической* революции никем не подвергалась сомнению. (А если и подвергалась, то сомневающийся мог быть репрессирован.) И когда в 80-х гг. XX в. оказалось возможным критически анализировать переворот Октября 1917 г., то выяснилось, что его содержание мало кого интересует. Более того, появились отрицания самой исторической правомерности Октябрьской революции. Одни критики утверждают, что революция была не нужна российскому обществу, поскольку промышленность, сельское хозяйство и культура развивались вполне нормально. Если тем не менее революция произошла, то объяснить это можно только случайным стечением обстоятельств (война, предательство, демагогия большевиков и т.п.). Другие предают анафеме Октябрь из-за его насильственного характера: покончив с репрессиями прошлого, революция создала не менее репрессивное будущее.

Конечно, проще всего предать прошлое проклятью, забыв, что в нем отразились судьбы целых поколений, чьи опыт и уроки безразличны для понимания современных проблем. Какое бы ни было отношение к революции, нельзя забывать, что она определила будущее России (СССР) почти на все XX-е столетие. Вот почему сегодня мало осуждать Октябрьскую революцию и созданный ею политический режим. Для того, чтобы *преодолеть* наследие тоталитаризма, оставить его в прошлом, надо *уметь* это делать.

Осмысливая Октябрьскую революцию, мы не можем избежать ее включения в современную ситуацию, то есть избежать *деятельно-практического* отношения к прошлому. Во всяком случае, любая оценка революции так или иначе следует конкретной культурно-исторической традиции, предполагает определенную схему мироприятия, моральную философию. В основе подхода к революции, с которым я здесь полемизирую (назову его либерально-прогрессистским), лежит постулат *заданности* для нашей страны западноевропейского типа общественно-экономического развития. Все, что не совпадает с этим постулатом, объявляется недействительным (в гегелевском смысле), случайным, навязанным извне. С парадигмой заданности истории соседствует “теория заговора”, выступающая, по справедливой оценке Т. Шанина, “как подтекст теории прогресса” [Шанин 1997, с. 17]. Оттого-то Октябрьская революция квалифицируется нашими либералами как “кровавый бланкистский переворот”, “большевистский заговор”, перерыв “естественного хода дел” и т.п.

Я не сомневаюсь, что предавая анафеме Октябрь, советское прошлое, многие критики (в том числе и мои коллеги-философы) руководствуются благими намерениями — помочь нашему обществу скорее порвать с тоталитарным прошлым, преодолеть коды поведения и мышления, присущие советскому периоду нашей истории. Но преодолеть

прошлое невозможно, не изучив его целиком, не подменяя честный анализ моралистическими ламентациями. Напомню слова Х. Ортеги-и-Гассета: «...превзойти прошлое можно только при одном неумолимом условии – его надо целиком как пространство и перспективу вмести́ть в себя... Было бы недурно, если бы бесповоротное “нет” могло бы покончить с прошлым. Но прошлое по своей природе *revenant* (привидение. – И.П.). Поэтому единственный способ избавиться от него – это не гнать. Короче, “жить на высоте своего времени”, обостренно чувствовать историческую обстановку» [Ортега-и Гассет 1997, с. 96]. Словом, только тогда Октябрьская революция и советские времена станут нашим прошлым, когда мы осознаем их как “пространство и перспективу” той эпохи и выработаем современный способ решения проблем, поставленных, но не решенных революцией.

О характере Октябрьской революции

В молодости К. Маркс и Ф. Энгельс попытались сформулировать свое понимание коммунизма не как “состояние, которое должно быть установлено”, и не как “идеал, с которым должна соотнобразовываться действительность”, а как “действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние” [Маркс, Энгельс 1955, с. 34]. Думается, в этом и только в этом смысле пролетарский политический переворот 1917 г., положивший начало социальной революции в России, можно, и то весьма условно, назвать социалистическим. Кстати, В. Ленин осторожно высказывался об *элементах* (не более того) социализма в Октябрьской революции. Пролетарский переворот в России он считал “прологом всемирной социалистической революции”, “ступенькой к ней”. Отсталой социалистической страной Россия может стать только после победы социализма в Западной Европе, прежде всего в Германии. В России же в “данный момент”, отдавал себе отчет Ленин, речь идет о *буржуазных* преобразованиях. Вот почему он отвергал эксперименты с введением социализма как неуместные и преждевременные. “Непосредственной ближайшей задачей революции в России, – напишет он в 1921 г., – была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране...” [Ленин т. 44, с. 144].

И действительно, Октябрь, если учитывать его социально-экономический аспект, а не только идеологию переворота, стал началом глубокой народной, хотя и не социалистической революции. Социальный вопрос в России оказался неизмеримо шире, чем освобождение пролетариата, он включал в себя и аграрную проблему, и национальный вопрос, и индустриализацию, и изменение соотношения социально-экономических укладов, типа власти, и культурный подъем населения, и т.п., то есть по существу преобразования буржуазные (буржуазно-демократические). Характер Октябрьской революции определялся не столько противоречиями пролетариата и буржуазии (хотя, конечно, и ими тоже), сколько конфликтом разных форм и средств приобщения страны к современной (естественно, в тогдашнем понимании) цивилизации, различием способов завоевания ее основных предпосылок. Вот почему ни категория капитализма сама по себе, ни понятие социализма как таковое не выражают специфического характера Октябрьского переворота, равно как и всего последующего периода.

В свое время и противники, и сторонники большевиков, не говоря уже о них самих, восприняли пролетарский переворот в Петрограде и Москве как осуществление предсказания Маркса о крахе капитализма. Однако противники переворота были уверены в его скором провале. Большевики же рассматривали его как прерывание исторической каузальности (обусловленности будущего прошлым), как начало всемирной пролетарской революции, которая покончит с капитализмом и откроет социалистическую эру господства трудящихся. Мы знаем сегодня, что попытка “перевернуть мир”, построить социализм в тех условиях, да еще в одиночку (марксистская идеология европейской социалистической революции оказалась фантомом), была обречена. В России для социализма не было ни материальных, ни культурных предпосылок.

К тому же, претендуя на вселенское освобождение, революция не закрепила завоеванную свободу в правовом строе, в культуре и традициях народа.

Изучая Октябрьскую революцию, все более укрепляешься в мысли, что ее характер и ход развития нельзя понять, руководствуясь только марксистской формационной схемой. И дело не в том, что она неверна: просто реальная история оказалась неизмеримо сложнее и противоречивее общих положений марксизма, пригодных в силу своей абстрактности для любой страны, а по мнению некоторых, и для любой эпохи. Судьба Г. Плеханова — родоначальника марксизма в России, человека до конца верно марксистской доктрине, в этом смысле характерна. Историческая необходимость пролетарской революции в России заключалась отнюдь не в том, что капитализм исчерпал все свои ресурсы развития: наоборот, он быстро рос и на Западе, и в нашей стране. Проблема российского капитализма состояла в невозможности преодолеть с помощью буржуазного развития и старые, идущие от крепостнического прошлого, и новые, связанные с особенностями российского капитализма, диспропорции и антагонизмы. Прогресс в России, не переставая быть буржуазным по своему экономическому содержанию, оказался невозможным в тех условиях без социальных и экономических мер, которые выходили за пределы “допустимого” для буржуазии [Гегмер 1972, с. 98].

Таким образом, завершить спор между миллионами крестьян и дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией стало исторической миссией не буржуазии, пусть даже демократической, а революционного пролетариата во главе с большевиками. Другими словами, большевики, исповедовавшие социализм, придерживавшиеся идей марксизма, стали авангардом борьбы за глубокие социальные преобразования в России. Далеко не случайно, по-видимому, что в социалистическом учении Маркса их привлекала прежде всего сторона, связанная с достижением социальной справедливости, с борьбой против капитализма *как* богатства.

Октябрьская революция — случайность?

Прежде всего напомним, что в истории нет общих законов наподобие природных, которые позволяли бы предугадывать и тем более предсказывать ход событий с той же степенью вероятности, с какой можно предвидеть, например, движение планет или смену времен года. В историческом развитии законы выявляют себя как господствующие тенденции, которые модифицируются в зависимости от многих факторов, скажем, уровня экономического развития страны, пройденного ею пути, геополитического положения, общественной ситуации и т.п.

Таким образом, развитие стран и народов — не произвольно и не беспредпосылочно: его характер “завязан” на общемировые тенденции. Более того, страны, вырвавшиеся вперед в общественном развитии, способны воздействовать через экономические, политические, культурные отношения на ход процессов в странах, где общественный строй, экономика, культура не соответствуют потребностям эпохи. В этом смысле Россия, “вторгнувшаяся” со времен Петра I в Европу, испытывала воздействие передовых европейских стран, усваивала и перерабатывала их опыт в соответствии со своими потребностями и внутренними условиями.

Сегодня, по-видимому, не надо доказывать, что включенность России в систему соперничества европейских держав, в международные экономические связи, в обмен товарами и идеями сыграли решающую роль в вовлечении нашей страны в русло общего буржуазного развития. Во всяком случае, Россия после реформ Александра II твердо встала на капиталистический путь. Вопрос в другом: почему генезис капитализма в России существенно отличался от социально-экономических и политических процессов на Западе, почему не буржуазии, а ее антиподу — пролетариату удалось разрешить противоречие между остатками крепостничества и буржуазным развитием страны, руководствуясь при этом социалистическими целями.

Ответ можно получить через концепцию “догоняющего” развития, предполагающего формирование современных политических, экономических, духовных структур не в результате естественного саморазвития общества, а под воздействием опыта, отношений, экономики и культуры более развитых западноевропейских стран. Новые формы отношений в России насаждались, как правило, “сверху” в ответ на сдвиги, происходившие в капиталистической метрополии, прежде всего в Европе, и чаще всего после неудачных войн с европейскими соседями. Петр I не просто прорубил “окно в Европу” для России, он задал своеобразную матрицу движения страны по пути прогресса. Именно с Петра начинается специфический российский способ модернизации, когда власть, ломая прежний уклад жизни населения, “искусственно” *насаждает* новые, сообразные с западными формы отношений в обществе и экономике.

Менялись “формации”, системы, режимы, но административно-принудительный характер модернизации в России оставался прежним. Этот способ прогресса объясняется политической слабостью, неразвитостью общественных сил, заинтересованных в переменах, вынужденным характером преобразований, наконец, пассивностью основной массы населения в условиях самодержавного государства. “Верхи” — власть, а не “низы” — народ, определяли, что и как менять в общественной и экономической жизни страны. Вынужденный характер преобразований, осуществляемых чиновничеством, имел естественное следствие — бедствия народных масс. Государство, присвоившее себе право вести народ, не готовый к самостоятельному выбору, по пути прогресса, проводило реформы, как правило, в интересах “верхов” и с помощью внеэкономического принуждения. (После сказанного вряд ли можно утверждать, что сталинизм выпадает из логики российского исторического развития.)

Оптимален ли был такой способ модернизации? Разумеется, нет. Сплошь и рядом он накапливал все новые и новые социальные и политические противоречия. Кто будет оспаривать прогрессивный характер реформ Александра II, открывших дорогу капитализму? Пожалуй, никто. Но именно эти реформы подготовили будущую крестьянскую революцию в России. Выбранный способ освобождения от крепостного права породил аграрный вопрос, определивший социально-экономическое и политическое развитие страны на многие десятилетия вперед. Дело тут не только в крестьянском малоземелье, на чем часто акцентируют внимание. Корни аграрного вопроса в России глубже — в особенностях генезиса российского капитализма.

В Западной Европе и Северной Америке капитализм, укореняясь, глубоко вспахивал социальную почву, духовно и политически освобождал народ, знаменуя собой начало новой цивилизации. В России же прогрессивная роль капитализма проявилась иначе: он обрушил жизненный уклад широких слоев крестьянства, вбросил мужика в условия товарных отношений. Однако необходимые социальные и правовые предпосылки для нового способа хозяйствования созданы не были. Крестьянин нашел защиту в общине, но благодаря ей же был прикован к наделу, платил непомерные налоги, из-за которых вынужденно соглашался на кабальные условия либо аренды помещичьей земли, либо работы в помещичьем хозяйстве. В результате капитализм так и не смог завоевать все социально-экономическое пространство страны и, главное, не превратился в элемент, конструирующий целостность общества. В городах в конце XIX в. происходила буквально социальная революция, в то время как деревня пауперизировалась.

Развитие российского капитализма, сложившегося после 1861 г., обостряло до предела все противоречия, не разрешая их. Революция 1905–1907 гг., ставшая первой попыткой крестьянства пересмотреть в своих интересах результаты реформы 1861 г., не удалась. Тем не менее никакого заданного вектора, направленного к пролетарской развязке аграрного вопроса, не существовало. Понадобился целый ряд условий, которые сложились в ходе Первой мировой войны, чтобы аграрный вопрос, наряду с требованием прекращения войны, стал причиной Октябрьского переворота. Во всяком случае в октябре 1917 г. большевики не смогли бы осуществить государственный переворот, не заручившись поддержкой крестьянства, составлявшего большинство

населения страны. Во многом зависела от позиции крестьян и победа большевиков в Гражданской войне.

Октябрьская революция впервые сломала прежний порядок волей восставших масс “снизу”, а не “сверху”, как это происходило раньше. В этом смысле она — явление неожиданное и, можно сказать, “случайное” для России. Впрочем, “случайность” эта была довольно быстро преодолена: сталинская ускоренная индустриализация и коллективизация производились строго по “классическим” канонам “догоняющей” модернизации. Интересы развития страны при этом были, как и раньше, вырваны из сферы самодеятельности общества и противопоставлены ему как сфера сугубо правительственной деятельности. Исторические рамки, в которые была введена “социалистическая” революция, оказались специфически российскими.

Октябрьская революция в широком смысле не противоречила основному тренду исторического движения России, но и признавать ее неизбежным следствием “естественного” хода истории вряд ли правильно. История носит альтернативный характер, вот почему революция не могла быть предсказана заранее и оказалась неожиданной для многих, если не для всех. Как справедливо указывает Б. Капустин, «акты свободы не предсказуемы в принципе. Такова их онтологическая “природа”, укротить которую не в силах никакая методология познания, даже та, каковой обладают “самые передовые”, “современные” социальные науки» [Капустин 2010, с. 146]. Прерывая прежнюю логику исторического развития, революции создают предпосылки для новой логики движения общества.

То, что Россия после 1905—1907 гг. “беременна” революцией, было очевидно для всех политических сил. Не случайно так легко победила Февральская революция. Другое дело, как разные партии представляли себе размах революции, степень включения в нее народных масс, характер преобразований и т.п. В этом смысле партия большевиков во главе с Лениным оказалась единственной политической силой, способной ответить на вызов времени и возглавить революционный процесс. Поэтому говорить о случайности революционной катастрофы в России можно только в том случае, если совершенно не представлять себе тогдашнюю общественно-политическую ситуацию и высокомерно “поправлять” с точки зрения нынешнего “здорового смысла” неразумных современников и участников Октябрьского переворота.

Но имеется в виду не Русская революция как таковая, а пролетарский переворот, скажут нам сегодняшние критики российской истории. Именно он — предмет нашего отрицания, поскольку имеет случайный, не подготовленный историей характер. В подобном рассуждении содержится двоякого и даже тройкого рода заблуждение. Во-первых, совершенно неверно отделять Октябрьский политический переворот от предшествующих событий, в частности от революции 1905—1907 гг. и противоречий Февральской революции. Будучи большевистским (что в общем-то неточно, поскольку в свержении Временного правительства участвовали и левые эсеры, крестьянская “социалистическая” партия), переворот детонировал глубинные процессы социально- и национального освобождения, которые и определили подлинный характер революции как пролога к Современности.

Во-вторых, надо уметь *разводить* реальный исторический смысл политической практики революционеров, с одной стороны, и *ее идеологическое облачение* — с другой, различать мыслительный процесс, совершившийся в головах вождей рабочего класса, и характер проблем, стоявших перед революцией. Октябрьская революция была не реализацией идей марксизма, как думают некоторые, а скорее, демонстрацией их неприменимости к условиям такой страны, как Россия. Вспомним ленинскую работу “Государство и революция”, написанную летом 1917 г. и признанную им же несвоевременной уже в 1918 г. Другое дело, что идеи социализма, подчас толкуемые фантастическим образом, стали идеологией, на основе которой большевикам удалось создать действенный контакт с трудящимися массами. Социалистическая идеология оказалась адекватной настроениям масс не потому, что соответствовала наличным экономическим и социально-культурным условиям России, а потому что стягивала воедино

разнонаправленные формы действий против старого порядка, несла с собой новые возможности политической борьбы за радикальное обновление социального строя.

И наконец, в-третьих. Людям, занимающимся осмыслением истории, известно, что даже “случайно” возникшее историческое явление способно обрести необоримую силу необходимости, если оно прокладывает новые пути социальному прогрессу. В этом отношении определение “случайности” по отношению к Русской революции и ее заключительному этапу – Октябрьскому перевороту 1917 г. теряет свой резон: случайность здесь перешла в необходимость. Другими словами дилемма “или – или” (или случайность, или необходимость) в отношении таких событий, как Октябрьский перелом, неприменима.

Проблема насилия в Октябрьской революции

Пожалуй, ни одно свойство революции, ее Октябрьского этапа, не возмущает либеральных критиков так глубоко, как насилие. В рамках их рационалистического миропонимания Разум несовместим с насилием, тем более в таких формах и объемах, в каких они проявились в 1917–1922 гг. Там, где царит Разум, уверены они, нет насилия, там же, где побеждает насилие, господствуют зло, несправедливость, неразумие. Оставаясь в пределах такого абстрактного противопоставления Разума насилию, можно невольно скатиться на моралистическую точку зрения в отношении прошлого. События исторической жизни, насильственные действия государства, классов, масс расцениваются в данном случае вне политического, шире, исторического, контекста, который только и может объяснить необходимость применения тех или иных форм насилия, их целесообразность или, наоборот, неоправданность. Во всяком случае, моральная оценка революции не должна *подменять* собой политико-историческую оценку события.

Вот как оценивал моралистическую точку зрения на революционные катаклизмы А. Герцен: “...взывая в памяти эти героические и мрачные времена, – писал он о Французской революции конца XVIII в., – не пользуйтесь, чтобы судить о них, кодексом будничной морали, совершенно недостаточным для этих катаклизмов, освежающих воздух во время грозы, созидающих среди развалин. Подобные эпохи не следуют какой-либо морали – они сами предписывают новую мораль” [Герцен 1955^a, с. 244]. Дело, разумеется, не в том, что история в ее критические моменты не подлежит моральной оценке, – последней избежать невозможно. Но оценивая революционное насилие, важно знать предысторию революции, причины конфликтов, остроту противоречий в обществе, меру сопротивления сил старого порядка, ментальность народа и многое другое, то есть понять насилие как функцию исторической ситуации.

В России революция сразу же приняла насильственный характер. Это определялось, с одной стороны, радикализмом предстоящих перемен, с другой – вовлечением в борьбу народных масс. Речь уже не идет о том, что Октябрьский переворот произошел во время кровопролитной Мировой войны и стал продолжением подавленной царизмом и преданной либералами революции 1905–1907 гг. Таким образом, никакой политической компромисс, наподобие, скажем, испанского “пакта Монклоа”, оказался невозможным у нас в 1917 г.: он был не в состоянии разрешить жизненно важные для народных масс проблемы мира и земли. Поляризация политических сил толкала обе стороны к насильственной развязке конфликта. Иначе говоря, ключевое политическое условие для мирного продолжения перемен отсутствовало. К этому надо прибавить обретение рабочим классом субъектности, которая определила новое качество революции, придала применению пролетарского насилия своеобразный этический характер. Другое дело, что ожесточение сторон, вызванное Гражданской войной, привело к превращению пролетарского насилия в яacobинский террор, для которого внутренние границы насилия теряют всякую определенность.

Что касается Октябрьской революции, то она прошла в своем развитии две фазы. Вслед за М. Гефтером назову их “Октябрь как событие” и “Октябрь как эпоха”. Эти

две фазы различаются по политическому содержанию, психологическому облику масс, идеологическим формам самосознания, не говоря о различном отношении масс к совершавшимся преобразованиям. Но главное, они различаются по типу насилия. Если в событиях Октября 1917 г. и им последующих рабочий класс, считавший, что он совершил социалистическую революцию, действует самостоятельно и сознательно, свергая власть буржуазии, активно участвует в борьбе с контрреволюцией, то в конце 1920-х и на протяжении всех 1930-х гг. уже не он, а созданное за годы “военного коммунизма” сначала авторитарное, а затем и тоталитарное *государство* обретает невиданную раньше самостоятельность, становится демиургом совершающихся в стране процессов. Перед лицом этого государства все классы общества, включая рабочих и крестьян, не говоря уже об остатках буржуазии, отрекаются от собственной воли, подчиняются чужой, якобы всеобщей, народной. Возникает асимметрия ресурсов сопротивления народных масс режиму, с одной стороны, и насильственных действий государственной власти — с другой. Именно это неравенство ресурсов обусловило загадочное безмолвие трудящихся в 1930-х гг. и чудовищное политическое насилие, вплоть до террора, государственной власти по отношению к собственному народу.

Таким образом, в Октябрьской революции следует различать два типа насилия: одно — насилие масс против своих угнетателей, помещиков и буржуазии, другое — насилие обретенной ими власти над народом. Да, размах насилия в активной фазе революции был велик. Некоторые, говоря о насилии в Гражданской войне, связывают его, главным образом, с действиями “красных”. При этом они ссылаются, например, на С. Мельгунова, написавшего книгу “Красный террор”, забывая, что тот же автор намеревался выпустить книгу под названием “Белый террор”.

Действительно, Гражданская война в России носила ожесточенный характер с обеих сторон. Раскол коснулся всех слоев общества: интеллигенции, офицерства, чиновничества, рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии, “националов”. Он проходил даже через семьи. И “белые”, и “красные” сражались “до конца”, заранее отвергая компромисс. Связана ли эта ожесточенность с ментальностью народа или с глубиной конфликтов, сказать трудно даже сегодня. Но мы не пойдем размаха насилия, его массового характера, если ограничимся только столкновением армий. Октябрьский переворот детонировал вековые конфликты, дремавшие в российском обществе и, казалось, преодоленные историей. Взаимное отторжение разных социальных и национальных групп, антагонизм “барина” и “мужика”, “белой” и “черной” кости, крестьянская вендетта против городов, неодолимая жажда справедливости, овладевшая неразвитыми массами, анархическое своеволие “низов”, бандитизм и т.п. — все это многократно увеличивало масштаб насилия. К этому надо прибавить ожесточение людей, вызванное войной сначала против немцев, а затем Гражданской, появление в стране вследствие длительной войны и разложения армии, особенно масс людей, обладающих оружием и умеющих им пользоваться и т.п.

В таких условиях только якобинское насилие способно обуздать стихию, создать платформу для того, чтобы двигаться вперед. Утверждают, что Октябрьскому перевороту была альтернатива, менее насильственная, более мирная. Указывают при этом то на плехановскую группу “Единство”, то на Учредительное собрание, которые-де могли повести страну по другому пути. На деле, если серьезно относиться к понятию “альтернатива”, реально противостоять большевикам могла только буржуазная военная диктатура. Но непосредственно после провала Корниловского заговора шансов создать ее ни у Временного правительства, ни у царских генералов практически не было. Военная диктатура как альтернатива революции, за которой стояли реальные группы населения, появилась только в ходе Гражданской войны, закончившейся победой большевиков.

Октябрьская революция как эпоха. Самоотрицание революции

С окончанием Гражданской войны завершается событийный характер Октябрьской революции. Начинается эпоха термидора (Ленин говорил о “самотермидоризации”), введившего революцию в ее правомерные рамки. Термидор конституирует революцию в качестве события, радикально обновившего общество. Но подобно тому, как различаются революции, различаются и термидоры. В России задача термидора заключалась не только в том, чтобы распрощаться с яковинскими, военно-коммунистическими средствами борьбы против старого общества, но и в том, чтобы сохранить в новых условиях политическую гегемонию рабочего класса и его партии. В России для этого потребовалось не просто прекратить революционное насилие, но и выработать новый, более реалистичный политический курс, который бы учитывал своеобразие российской действительности, данный этап исторической эволюции страны.

Пролетарской партии впервые пришлось столкнуться с первойшим условием всякой гегемонии — необходимостью подчинения своих непосредственных требований общенародным, а значит, “чужим”, крестьянским интересам. Партии рабочего класса, располагавшей почти неограниченной властью, предстояло медленно, шаг за шагом продвигаться вперед *вместе* с мелкобуржуазным народом. Но главное, чего не могли принять партийные функционеры и значительная часть рабочего класса, так это призыва Ленина, творца НЭПа, учиться хозяйствовать у буржуазии, возвращая экономику страны к рынку и товарным отношениям.

НЭП означал коренное изменение в понимании социализма, обновление его начал и путей развития. Впервые было заявлено, что социализм предполагает не только и не столько революционное насилие, а прежде всего и главным образом “снятие” (в гегелевском смысле) рабочим классом всего того, что было созданного буржуазной цивилизацией, преодоление созданного капитализмом как в общественно-экономической, так и, в особенности, в культурной области. Констатируя различие интересов мелкобуржуазного крестьянства и рабочего класса (“мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий”), Ленин признает, что эти несовпадающие интересы “в равной степени заслуживают удовлетворения”. Вместо призывов к “решительности” (революционному насилию) он призывает к “компромиссу”, “уступчивости”, “постепенству”, “оживлению предпринимательства” и т.п. А главное, он предлагает “сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами” [Ленин т. 45^а, с. 78]. Еще шаг — его сделает уже не Ленин, а китайские коммунисты в конце XX в. — и будут признаны “заслуживающими удовлетворения” и интересы буржуазии.

Таким образом, России предстояло совершить мирный переход к совершенно новому пути общественного развития, не предугазанному социалистами XIX в., включая и основоположников марксизма, — к сосуществованию разных общественно-экономических укладов в условиях рыночного способа хозяйствования при регулирующей роли пролетарского государства. Нэповский курс мыслился Лениным всерьез и надолго. “В сущности говоря, — писал он, — кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве НЭПа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса... его проверки и контроля государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих социалистов” [Ленин т. 45^б, с. 370]. К сожалению, этот интеллектуальный прорыв остался только личным ленинским достижением — его не поняли и не приняли ни соратники по партии, ни рабочий класс России.

Большинство партийцев воспринимали НЭП как временный политический маневр, призванный преодолеть экономический коллапс, в который попала страна после Гражданской войны. Когда эта задача будет выполнена, считали они, партия вновь должна возобновить наступление против буржуазии — и средней, и мелкой. Именно

на этих настроениях в партии и рабочем классе сыграл И. Сталин. Позже он с предельной ясностью заявит: “Если мы придерживаемся НЭПа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту” [*Сталин* 1933, с. 439]. Вряд ли это непонимание можно объяснить только узостью кругозора большевиков. Проблема гораздо глубже.

Дело в том, что большевистская партия создавалась Лениным прежде всего как партия революции и классовой борьбы, большевизм означал определенный способ мышления и поведения, определенный набор ценностей, наконец, определенную политическую ментальность. Большевизм был “на месте”, когда стояла задача свержения буржуазно-помещичьего режима, шла Гражданская война и решалась судьба обретенной власти. Но в условиях НЭПа, когда от революции декретов и конфискаций нужно было переходить к революции реформ, к развитию крупной промышленности, к рачительному хозяйствованию, большевизм терял свое историческое оправдание, становился неисторичным. Тем не менее из политической жизни России он не ушел. Более того, идеология “военного коммунизма” глубоко засела в сознании части рабочего класса и крестьянской бедноты. Сталин умело воспользовался этими настроениями. Его курс на “строительство социализма”, предполагавший насильственную ломку жизненного уклада миллионов крестьян (за ее счет добывались средства на индустриализацию) и использование “чрезвычайных мер”, получил поддержку основной части членов партии большевиков.

И форсированная индустриализация, и насильственная коллективизация, несмотря ни на что, были выражением *общего прогресса* страны на некапиталистическом пути. То, что они осмысливались как построение социализма, не меняет сути дела, хотя за свой некапиталистический выбор страна, оказавшаяся в одиночестве в капиталистическом окружении, расплатилась громадными жертвами. Оказался фактически отмененным Декрет о земле, принятый II съездом Советов, уничтожены результаты аграрной революции — одно из главных достижений Октября, сотни тысяч зажиточных крестьян (“кулаков”) вместе с семьями высланы фактически на гибель в Сибирь и на Север. Остальные под страхом репрессий “добровольно” вступали в колхозы. Сталинская политика унификации всего и вся обернулась стиранием культурных, социальных и национальных различий. Сталин начал террор со старых партийных кадров, работавших с Лениным. Они были опасны для него как носители другой партийной традиции, иного понимания путей к социализму. Но шаг за шагом масштабы репрессий разрастались, под каток “большого террора” попадают командный состав армии, рядовые партийные функционеры, сотни тысяч “простых людей”, крестьян, рабочих, интеллигентов.

Нелегко раскрыть причины сталинского террора. Одни объясняют их inferнальной личностью Сталина, его наглухо замкнутым внутренним миром, другие — обстоятельствами, потребовавшими “сильной воли” и насилия. Для третьих террор представляет логическое завершение всякой революции, особенно такой, как Октябрьская. Думается, во всех этих объяснениях содержится зерно истины. Но все они игнорируют главную причину совершившегося — сталинский замысел формирования с помощью тотального террора такого общества, которое “добровольно” во имя “построения социализма” уступало бы свою роль “творца истории” партии и ее вождю и не только пассивно, но и активно участвовало бы в постреволюционной десувверенизации и коллективном обезчеловечивании (см. [*Гейтнер* 2004, с. 86]). Другими словами, Сталин попытался превратить всеобщность лидера, созданную революцией, в государственный институт, в государственную практику и идеологию. В определенном смысле ему это удалось. За счет упразднения способности к выбору, уничтожения альтернативности, обратных связей от общества к власти он объединил “сверху” народ под эгидой коммунизма-сверхдержавы, а сам предстал как верный последователь Ленина. В феномене Сталина сошлись историческое прошлое России — забитость народных масс, культ самодержавной власти, слабость демократических традиций, опыт “военного коммунизма”, и своеобразие пути развития страны, объяснить которое можно

только относительно поздним переходом страны к Современности. Вот почему большевистское, сталинское прошлое нельзя просто *отменить*, его можно только *преодолеть* в ходе исторического развития и формирования подлинной политической субъектности народа.

Переворот 1991 года

Это событие стало отправной точкой демократического развития России. Оно оказалось неожиданностью для всех политических сил и у нас, и за рубежом, его никто не предвидел. Тем не менее назвать его исторической *случайностью* вряд ли кто решится. Сотни тысяч возмущенных москвичей и ленинградцев вышли на улицы, чтобы не дать “хунте” (ГКЧП) повернуть вспять колесо истории. Впервые после 1905 г. требования свободы, прав личности, суверенитета народа стали делом не диссидентов или узких групп интеллигенции, а народа, пусть даже его меньшинства. Миллионы людей, озабоченных проблемами непосредственного существования, вдруг поднялись до понимания связи между улучшением условий своей жизни и политическим строем страны.

Коммунистический режим рухнул. Он не был свергнут в ходе массового политического движения, а как бы “просел” под тяжестью собственных противоречий. Власть буквально упала к ногам либералов и националистов. Фактически это была либеральная революция. Либеральная, потому что демократическое движение в России и в союзных республиках еще только возникало и не могло влиять на последовавшие за переворотом преобразования.

Естественно, как всегда в России, революция стала “революцией сверху”. К тому же о демократии россияне могли судить только по опыту развитых капиталистических стран. Провал путча открыл двери во власть “новым людям” – поколению горбачевской эпохи. Завладев властью, они прежде всего озаботились ее укреплением. Для этого понадобились отнюдь не либеральные меры. В 1993 г. Указом президента был распущен Верховный Совет РСФСР, а связанная с этим череда событий закончилась танковой стрельбой по Белому дому. Новая Конституция России, созданная в спешном порядке, была утверждена всенародным голосованием, хотя и с некоторыми нарушениями процедуры (ее утвердили большинством голосовавших, а не большинством народа). Но так или иначе, политическая жизнь России обрела новый облик (альтернативные выборы, множество политических партий, свобода агитации, запрет на государственную идеологию и т.д.), вполне соизмеримый с западными демократиями. Больше этого демократическая волна сделать не могла, а либералы не хотели.

Что касается экономической программы либералов, то она сводилась к прославлению преимуществ “свободного рынка”, приватизации государственной собственности, минимизации вмешательства государства в дела бизнеса и т.п. Сама по себе эта программа соответствовала потребностям экономического развития России. Но проводить ее в жизнь стали общественные силы, поднятые переворотом 1991 г. на поверхность политической жизни, для которых на первом плане стояло собственное обогащение, а не интересы народа.

Ужасающими выглядели последствия этих якобы прогрессивных экономических реформ. Перед десятками миллионов людей, *вброшенных* в рыночные отношения без средств к существованию, без опыта, без государственной поддержки, встал вопрос физического выживания в новых условиях. Им пришлось действовать на свой страх и риск, применяя любые методы. Резко поднялась преступность. Промышленное производство упало наполовину. Рабочих и служащих увольняли без всяких пособий. Квалифицированные кадры сотен НИИ очутились на улице. Возросло в разы количество самоубийств. Криминал обрел невиданные прежде масштабы. Моральный уровень населения резко упал. А в это же самое время бывшие “теневики”, кооператоры, подпольные миллионеры приватизировали с помощью подкупленных чиновников “бесхозное” государственное имущество. Не случайно объявленная властью

“народная приватизация” была окрещена народом “прихватизацией”. Более того, опасность распада страны в 1990-х гг. имела все шансы стать реальностью.

В определенном смысле либеральный переворот прошел мирно, без применения насилия. “Размыкание” истории – необходимый признак революции – действительно произошло в России в начале 1990-х гг., но, устранив детерминированность демократического будущего советским прошлым, российская либеральная революция не смогла в силу ряда причин стать площадкой для будущего развития экономики, политики и культуры. Не сумела, потому что оказалась слишком ограниченной, учитывавшей интересы только узкого круга “верхов”, а не широких масс народа. Не смогла, потому что не учла огромной роли государства в обеспечении функционирования современной экономики. Наконец, потому что либеральная идеология в том виде, в котором она была сформулирована реформаторами, соответствовала, скорее, не началу XXI в., а концу XVIII в.

Либералам 1990-х гг. не удалось понять, что наш народ прошел трудный, порой драматический путь от Октябрьской революции к Современности, что память о социальной справедливости, на алтарь которой были принесены колоссальные жертвы, проросла в народном сознании. Если угодно, мечта либералов превратит Россию в одну из “западных” стран обернулась для страны системным кризисом. “Изобретая” будущее по лекалам Западной Европы и Северной Америки, либералы тянули нас в прошлое. Однако дело не в том, что народ России якобы чужд идеалам свободы. Просто свобода как освобождение “я”, как надежда на рынок, который-де разрешит все проблемы, не соответствовала стремлению народа начала XXI в.

Демократия и российское общество

В России, освободившейся от оков тоталитаризма, заново и по-новому встает проблема демократии. Конечно, свободное волеизъявление на альтернативных выборах, система партий позволяют власти определить, чего хотят россияне, какие вопросы считают сегодня самыми актуальными. Но может ли современная демократия ограничиться форматом выборов, даже честных, прозрачных, свободных? Вряд ли. Демократический метод и либеральная среда – бесспорное завоевание российского народа, без них нельзя реализовать политические и социальные реформы. Но они не обеспечивают свободу всех общественных групп, а главное, приоритет интересов большинства в общественной и политической жизни. В России развитие демократии упирается прежде всего в своеволие и господство бюрократии.

Бюрократия в нашей стране – это не только медлительность, некомпетентность, но и разрушение суверенности личности, поспание ее прав. Люди не поверят в подлинность свободы и демократических отношений, пока чиновник будет единственным толкователем закона. Нынешняя российская власть пока плохо справляется с этой проблемой. Коррупция приобрела громадные размеры. Как и раньше, в стране процветает избирательное правосудие. Более того, появился целый клан “неприкасаемых”, которым закон не писан.

Разумеется, нельзя не учитывать опыт Запада в построении демократии. Однако за его привлекательными нынешними демократическими учреждениями и практикой стоит длительный исторический путь борьбы, лишений и крови. Мы не можем повторить его, но должны учитывать его, равно, как и свой собственный. В этом смысле ни “западничество”, ни “почвенничество” не выражают сути проблемы. В отношении развития демократии, думается, лучше всего придерживаться “стратегии адекватного развития”.

Когда-то я и мои коллеги попытались сформулировать основные черты этой формы эволюции. «Она адекватна, – писали мы, – не каким-то внешним образцам и критериям, вытекающим из тех или иных “частных” идеологий, а собственным проблемам данного общества, которые формулируются и приоритетность которых определяется методом демократической коммуникации всех заинтересованных групп. Внешний мир влияет на эту стратегию не в качестве образца для подражания или извечного соперника, но как сумма конкретных обстоятельств, благоприятствующих

или препятствующих решению проблем *нашего* общества. В этом смысле (но не только в этом) она есть стратегия российского государственно-политического прагматизма. В то же время она есть стратегия “опережающего развития”... Она должна быть стратегией опережения по отношению к появлению и развитию собственных проблем, то есть реакцией на них до того, как они превратятся в источник бескомпромиссных столкновений и “сакрализуются” в качестве противоборствующих идеологий. Преимущество демократического метода в том и заключается, что он позволяет зафиксировать проблему и найти способ ее компромиссного регулирования, пока она не вышла из стадии прагматического ее восприятия участниками спора. Следствием способности такого обращения с проблемами будет стабильное и динамичное общество...» [Алексеева, Капустин, Пантин 1997, с. 143].

Демократия для России не цель, а средство возвращения человеку права и возможности самостоятельно распоряжаться своей судьбой. А это требует социальной коррекции духовного и вещного пространства. Мало при этом уповать на социальные функции капитала или на государственные пособия, льготы и т.п., надо шаг за шагом *создавать* всеобщую коллективную защиту, которая учитывала бы масштаб проблемы. Повторю, речь идет не о государственной защите, а об обществе, об организованной многоступенчатости и разнообразии субъектов хозяйствования, распоряжающихся результатами коллективного, семейного единоличного труда. Именно здесь рождается чувство ответственности и самостоятельности сначала в региональном, а затем и в федеральном масштабе. Только в этих условиях можно говорить о коллективной, общественной защите.

Если люди не будут гордиться своей страной, своим вкладом в общее дело, если не преодолеют традиционного российского равнодушия к своей судьбе и судьбе народа, если не утвердят в себе чувство ответственности за свою семью, за общество, в котором они трудятся и живут, демократическая практика в России останется тем, чем она представлена сегодня – возможностью голосовать за определенную партию, не более того. В этой связи встает вопрос о лидере, о взаимоотношении между ним и доверяющей ему массой людей. Проблема лидера в России стоит гораздо острее в силу громадных пространств страны, ее многонационального состава, особенностей исторического развития и т.д. Лидер в России не может быть представителем только одной партии (тем более – социальной группы), он должен проводить курс понятный и приемлемый для большинства народа независимо от частных политических предпочтений. В этом смысле он автономен от своей партии, если он в ней состоит, независим от конкретных ситуаций и контекстов. Наиболее точно качества, требующиеся современному российскому лидеру, обрисовал Гефтер: «Мы рассчитываем на подконтрольность “человека у кнопки”, – писал он. – Но как придет она к нему и к нам? Только открытость лидера, его внутренняя свобода, способность получать импульсы из несовпадающих сфер жизни, от думающих и ведущих себя по-разному, суверенных людей. Лидер – не просто политик: он обязан уметь и не быть политиком, взвешивать злобу дня, открывая ход иным голосам и мотивам. Мир внеполитических связей между людьми, выступая оппонентом политики, может выработать новую мыслительную культуру, иную естественность человеческих контактов, выработать альтернативы привычному существованию. И лидер призван импонировать всему этому разнообразию, придавая простому человеческому голосу, человеческой точке зрения мировой статус» [Гефтер 1991, с. 455.]. Трудно соответствовать этим требованиям, трудно, но необходимо, если иметь в виду демократическое развитие России и бороться за него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. (1997) “Национальная идея”: иллюзия или непонятая потребность? // Октябрь. № 1. С. 137–153.

Герцен А.И. (1955) Шарлотта Корде // Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР. С. 243–246.

Гефтер М.Я. (1991) Из тех и этих лет. М.: Прогресс.

Гефтер М.Я. (1972) Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капитализма. Проблема многоукладности. Свердловск: Издательство Уральского государственного университета. С. 83–99.

Гефтер М.Я. (2004) Там, где сознанию узко и больно... М.: Книжный дом Университет.

Капустин Б.Г. (2010) Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего.

Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 144–152.

Ленин В. И. Политический отчет ЦК ВКП(б) // Полное собрание сочинений. Том 45^а. С. 69–116.

Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45^б. С. 369–377.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во политической литературы. С. 7–544.

Ортега-и-Гассет Х. (1997) Избранные труды. М.: Москва.

Пантин И.К. (2015) Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М.; СПб.: Летний сад.

Сталин И.В. (1933) Вопросы ленинизма. М.: Партиздат.

Шанин Т. (1997) Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М.: Весь мир.

Revolution and Violence. Defense of Historical Approach to Russian Revolution Appraisal

I. PANTIN*

**Pantin Igor* – doctor of Philosophy, chief research fellow at the Institute of Philosophy RAS, chairman of the specialized council for the defense of dissertations in political science. E-mail: i.pantin@mail.ru

Abstract

The paper discusses the role of violence in revolution in general and in Russian revolution, in particular. The author shows inability of rationalistic tradition to adequately estimate revolution as far as it insists that reason is incompatible with violence. The problem of revolution can be really grasped only if it is treated politically, that is, viewed as a historical phenomenon. In this case political violence may be presented as a unique way of interrupting the former historical logic – an act which forecloses determination of the future by the past. The violence intensity and scope, being the function of a singular social situation, depends on many factors: sharpness of contradictions, polarization of political forces, the degree of grass-root revolutionaries involvement, people mentality, etc. The range of violence triggered by October revolution was determined, inter alia, by the fact that grass-roots revolution has mutated into a “revolution from above” as soon as the “party state” attempted to attain economic and social progress through total suppression of the way of life which was enjoyed as normal by millions of people. Thus, the violence exercised by the political power structures over the people at large gave rise to a totalitarian regime.

Keywords: Capitalism, socialism, civilization, revolution, state, Bolshevism, political parties, proletariat, peasantry, terror, political regime, the catching-up development, contingency, necessity, culture, way of life, totalitarianism, historical choice.

REFERENCES

Alekseeva T., Kapustin B., Pantin I. (1997) National'naya ideya: iljuziya ili neponyataya potrebnost'? [National Idea: an illusion or a misunderstood need?]. *October*, no. 1, pp. 137–153.

Gerzen A. (1955) Charlotta Korday [Charlotte Corday]. Gerzen A. I. *Sobr. soch. v. 30 t., t. 6*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, pp. 243–246.

Gefter M. (1991) *Ya iz tekh I etikh let* [I am from these years]. Moscow: Progress.

Gefter M. (1972) *Mnogoukladnost' – kharakteristika tselogo. Voprosy istorii kapitalizma. Problema mnogoukladnosti* [The stratification is a characteristic of the whole. Questions of history of capitalism. The problem of multiculturalism]. Sverdlovsk: Gosizdat.

Gefter M. (2004) *Tam gde soznaniyu uzko i bol'no*. [There where consciousness feels tight and hurts...] Moscow: Knizhnyy Dom Universitet.

Kapustin B. (2010) *O predmete i upotreblenii ponyatiya "revoliutsiya". Kritika politicheskoy filosofii. Izbrannye esse* [On essence and the use of the notion "revolution". Critique of political philosophy. Selected essays]. Moscow: Territoriya budushhego.

Lenin V. K chetirekhletney godovshine oktiabr'skoy revoliutsii [To the fourth anniversary of the October Revolution]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, t. 44.

Lenin V. Politicheskoy otchet TsKVKP. [Political Report of the Central Committee of the CPSU]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, t. 45^a, pp. 69–116.

Lenin V. O kooperatsii [On Cooperation]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, t. 45^b, pp. 369–377.

Marx K., Engels F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. Marx K., Engels F. *Soch.*, vol. 3. Moscow: Gos. izdatelstvo politicheskoi literatury, pp. 7–544.

Ortega-i-Gasset Kh. (1997) *Izbranniye trudi* [Selected Works]. Moscow: Moscow.

Pantin I. (2015) *Russkaya revoliutsiya. Idei, ideologiya, politicheskaya praktika* [Russia Revolution. Ideas, ideology, political practice]. Moscow: Letniy sad.

Shanin T. (1997) *Revoliutsiya kak moment istini. 1905–1907–1917–1922* [Revolution as a moment of truth. 1905–1907–1917–1922]. Moscow: Ves' mir.

Stalin I. (1933) *Voprosi Leninizma* [Problems of Leninism]. Moscow: Partizdat.

© И. Пантин, 2017